

Белинская Е.П. Проблема личности и общества в русской социологии начала XX века: социокультурный и интеллектуальный контекст

English version: [Belinskaya E.P. The individual and society problem in Russian sociology in the beginning of the 20th century: socio-cultural and intellectual context](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются основные принципы анализа природы человека и общества в русской социологии конца XIX – начала XX столетия; раскрываются взаимосвязи и взаимовлияние российской и французской социологических школ. Выявлены методологические особенности и специфические черты русской социологической школы, проявляющиеся в «психологизации», концентрации исследований вокруг проблемы личности, рассматриваемой как целостная система, развивающаяся в процессе взаимодействия с окружающим социумом.

Ключевые слова: социологическое знание, методология позитивизма, российская социологическая школа, французская социологическая школа, социальный прогресс, развитие личности

Методологическая оценка современного состояния социальной психологии как самостоятельной области психологического знания нередко заставляет исследователей констатировать наличие ряда специфических тенденций, которые зачастую – особенно, если эта оценка производится не самими социальными психологами, – трактуются как утрата социальной психологией своего предмета, «растворение» в других областях психологии или же, в предельном случае, как сомнения в возможностях ее развития в принципе.

Нельзя не согласиться с Г.М.Андреевой, отмечающей, что есть только один способ преодолеть подобные трактовки – способствовать признанию в профессиональном сообществе определенной «инаковости» социальной психологии, связанной и с ее пограничным статусом как научной дисциплины, и со всей историей ее становления и развития [Андреева, 2009]. Что же касается отечественной социальной психологии, то начало ее истории в гораздо большей степени связано с русской социологией, нежели психологией, что не может не усиливать эту «инаковость».

Однако представляется, что именно лежащий в уже довольно отдаленном прошлом (рубеж 19 и 20-го столетий) социологический базис обуславливает факт крайней восприимчивости современной российской социальной психологии к определенному парадигмальному «слову» мировой социально-психологической мысли, ко все более утверждающейся в ней сегодня методологии субъективной рациональности. Одной из центральных проблем, своеобразие решения которой в рамках русской социологии того времени имеет значение и сегодня для отечественной социально-психологической науки, была проблема личности и общества.

Проблема личности и общества: социокультурный контекст

Внимание русской социологии (впрочем, как и всей русской общественной мысли) к проблеме личности и общества на рубеже 19 и 20-го столетий актуализировалось в своеобразном *социокультурном контексте*. Что же составляло данный контекст?

1. Прежде всего, противоречивые реалии экономической, политической и социальной жизни России того времени (быстрая концентрация промышленного производства, ускорение процесса монополизации экономики, резкое социальное расслоение, активное появление на политической «арене» новых социальных групп и слоев), вся объективная сложность процесса капитализации, происходившего в сдерживающих условиях российского самодержавия, утверждали в общественном сознании идею неоднозначности социально-экономического развития страны, а на уровне социальных наук вызвали к жизни понимание ограниченности любых однофакторных теорий и все более твердый отказ от жестких причинно-следственных объяснений социальных реалий.

2. Это было также время пересмотра многих характеристик привычной картины мира в силу фундаментальных открытий в точных науках (математике, физике, химии). Обнаружившееся в естественнонаучном знании «исчезновение материи» с новой остротой ставило перед гуманитарными науками вопрос о природе человека как значимого элемента этой потерявшей определенность действительности. Заметим здесь же, что принципиальных векторов решения данного вопроса выделялось как минимум три.

Во-первых, отказ от анализа специфически социального начала в человеке и, соответственно, отождествление логики построения и развития общественных и естественных наук, что одновременно накладывало свои, не всегда приемлемые, ограничения на понимание ряда немаловажных проблем (например, неизбежное при этом утверждение принципа релятивизма в трактовке моральных норм). Во-вторых, признание биологического и социального в человеке как двух исходно несовместимых модусов и, соответственно, утверждение в качестве основного отличительного свойства наук о человеке определенных принципов познания (прежде всего – главенствования идей интуитивизма и иррационализма), что также встречало свои возражения. И, наконец, в-третьих – отказ и от первого, и от второго пути решения, попытка совмещения рационального и иррационального путей познания, возобладавшая, заметим, в конечном итоге в русской социологической мысли и задавшая такие решения проблемы личности и общества, при которых оказалось трудно развести позитивистские и антипозитивистские позиции.

3. Далее, для представителей всех общественных наук (а для еще немногих, отождествлявших себя с социологическим знанием, – пожалуй, в наибольшей степени) это было время обострения противостояния с властными структурами. Именно рубежом 19 и 20-го столетий датируются и запреты лекций ряда профессоров-обществоведов со стороны Синода в силу их ярко выраженной антиклерикальной позиции[1], и зачисление социологии Министерством просвещения в разряд «нежелательных областей знания», и исключение части лекционных университетских курсов из числа обязательных[2], и, наконец, практика увольнений с профессорских должностей со знаковой для отечественной действительности формулировкой – «в силу отрицательного отношения к государственному строю»[3]. Подобная ситуация имела два основных следствия для общественных наук.

Во-первых, то, что создание определенных мировоззренческих «альянсов» в русской общественной мысли начало подчиняться не только логике объединенного научного поиска, но и задачам более общего характера (в частности – консолидации усилий в противостоянии «внешнему» давлению). Во-вторых, подобная ситуация приводила к неизбежному в этих обстоятельствах обоснованию принципов методологического плюрализма, стремлению к методологическому синтезу в решении многих проблем (и в том числе – проблемы личности и общества) – но при непременном условии доминирования аксиологических оснований.

4. Внимание общественных наук того времени к проблеме человека в значительной степени

обусловливалось и всем глобальным сломом традиционного уклада русской жизни в силу нарастания буржуазных реалий. Вытекающий из этого слома ценностный кризис русского общества, окончательно разочарованного в возможностях успешных политических и экономических реформ, предчувствующего революционные и военные потрясения грядущих первых десятилетий двадцатого века, со страхом открывающего для себя наступающий «век толп», не только провоцировал доминирование определенных настроений в кругах либеральной интеллигенции (социальную депрессию и эскапизм), но задавал для науки и искусства рост интереса к внутреннему миру человека: не случайно смотревший на этот эмоциональный настрой с позиций современника Н.А.Бердяев объяснял успех русского «модернизма» свойственной ему индивидуалистической струей, обращаясь к уникальным личностным переживаниям [Бердяев, 1999].

5. Наконец, резкое увеличение количества массовых акций протеста, включение в них различных социальных сил самого разного политического спектра[4] очевидно и наглядно демонстрировали пропасть между идеалами социального прогресса (столь недавно сформулированными гуманитарной мыслью) и реальностями российской социальной жизни, все острее ставили для общественного сознания вопрос о возможностях и основаниях человеческой солидарности, о степени индивидуальной свободы в рамках социального поля.

И не случаен в это время огромный интерес в обществе, причем преимущественно у молодежи, к общественным наукам – последние мыслились прежде всего как источник ответов на острые социальные вопросы, выступая в своей прогностической и действенной функции. Так, в одном из первых эмпирических социологических исследований русского юношества, проведенном в 1902 году на массовой выборке – учащихся старших классов гимназий пяти крупных городов России, отмечалось, что в этой среде склонность к социальным наукам[5] существенно (в 2,5 раза) превалирует над склонностями к наукам естественного и физико-математического цикла. Детализация вопросов анкеты позволила исследователям выяснить основания подобного потенциального профессионального выбора. Характерно, что в подавляющем большинстве случаев он определялся интересом к «предельным вопросам» социального бытия человека: «как должно развиваться общество, чтобы не нарушать прав каждого», «в каких отношениях должны быть люди, чтобы соблюдалась справедливость», «каковы человеческие основания прогресса» и т.п. [Гутнов, 2004].

6. Общественное внимание и интерес к социологии, рост ее авторитета по сравнению с другими социальными науками формировались и за счет резкого приращения эмпирического знания. Уже на период 1901–1905 гг. более четверти всех публикаций социологического характера были эмпирическими, так как в России, в отличие от Запада, наряду с государственной имелась большая земская статистика, обобщением которой занимались и публицистические журналы, и научные кружки, и частные лица из народнической интеллигенции.

Проблема личности и общества: интеллектуальный контекст

В этих социокультурных реалиях складывался в значительной мере определявшийся и пересекавшийся с ними и собственно *интеллектуальный контекст* решения русскими социологами проблемы личности и общества. Очевидно, что любая социокультурная ситуация влияет на развитие общественных наук, и в частности социологии, не непосредственно, а опосредованно – через умонастроения представителей определенной профессиональной среды. «Корпус исследователей, система социологического образования и иные институты, однажды возникнув, образуют самостоятельную профессиональную среду – поле социологии, которое реагирует на импульсы, исходящие от общества, сообразно собственным интересам и ценностям профессионального характера» [Здравомыслов, 2007, с. 116], пусть и при значительной роли культурного этоса. Итак, каковы были особенности интеллектуального контекста развития предметного поля русской социологии в это время и как они преломлялись в решении проблемы

личности и общества?

Прежде всего, подчеркнем, что, как и в более ранний период последней трети 19-го века, во всем спектре общественных наук доминировали определенные принципы научного познания, а именно – в качестве основного критерия истинности последнего признавался возможный эффект социального действия, вытекающего из того или иного познавательного акта. Тем самым онтологическая проблематика продолжала неразрывно включаться в гносеологическую. Унаследованные от основателей «субъективного метода» П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского идеи этической предвзятости исследователя-обществоведа, для которого поиск истины неотделим от собственных ценностей и идеалов, были продолжены русской социологией на рубеже веков. Социология «не может быть индифферентной в делах общественных», – прежде всего потому, что «в любом социологическом исследовании присутствует общественный идеал ученого» [Кареев, 2010, с. 24].

Подобная методологическая установка предполагала и доминирование определенного видения человека – он закономерно мыслился не только и не столько как объект познания, сколько как его активный субъект. Для русской социологии рубежа веков это в значительной степени обусловило выдвигание проблемы личности в центр исследовательского интереса многих ее представителей: «в центре внимания социологии должен стоять человек» [Там же. С. 24].

В этом смысле лидирующая позиция в решении проблемы личности и общества для русской социологии того времени продолжала принадлежать субъективной школе^[6]. При условии неизбежных концептуальных модификаций за время своего существования (от 60-х гг. девятнадцатого века до 20-х гг. двадцатого столетия), будучи представлена самым большим рядом персоналий и публикаций, субъективная школа постоянно выполняла роль своеобразного «умственного катализатора» [Голосенко, Козловский, 1995] для всей русской интеллигенции. Подчеркнем, что ее позиция во многом формировалась как результат диалога с западноевропейской (прежде всего французской) позитивистской традицией, но при крайне критичном восприятии и существенном переосмыслении принципов западного позитивизма, и не случайно только эта школа и в отечественной, и в зарубежной литературе того времени носила эпитет «русская».

Вопросы отечественного «прочтения», осмысления и модификаций западноевропейского позитивизма в отечественных гуманитарных науках суть сюжет, не раз освещавшийся в историко-социологической литературе и на сегодняшний день имеющий обширную библиографию. Нас же интересует здесь лишь момент влияния французской социологической школы и только в контексте понимания проблематики личности и общества.

Взаимовлияние французской и отечественной социологии

Прежде чем обратиться к собственно содержательным взаимовлияниям французской и отечественной социологии на рубеже 19 и 20-го веков, а также к критическим переосмыслениям русскими социологами идей своих западноевропейских коллег, подчеркнем, что сам процесс институционализации социологии в России был неразрывно связан с французским влиянием.

С середины 90-х гг. 19-го века русские мыслители (П.Ф.Лилиенфельд, М.М.Ковалевский, П.А.Сорокин) входят в руководство Международного института социологии, базирующегося во Франции, и выступают как активные члены «Общества социологии» в Париже (позднее к ним присоединятся Е.В.Де Роберти и Я.А.Новиков). В 1900 году начинается работа русской секции Международной школы при Всемирной промышленной выставке в Париже, одним из директоров которой станет М.М.Ковалевский, чей авторитет на тот момент во французском социологическом сообществе будет уже бесспорен. Успех работы русской секции приведет к тому, что в 1900–1901 гг., уже после закрытия Всемирной выставки, в зале Французской высшей социологической школы работа русской группы будет продолжена, а чтение в ее рамках публичных лекций

И.И.Мечниковым, М.М.Ковалевским, Е.В.Де Роберти, Ю.С.Гамбаровым неизменно будет пользоваться успехом[7].

Итогом станет открытие в Париже 14 ноября [8] 1901 г. Русской высшей школы общественных наук – первого независимого отечественного высшего учебного заведения, принимавшего слушателей без каких-либо ограничений по полу, возрасту, национальности, вероисповеданию, исходному образованию и за минимальную плату (а в ряде случаев – бесплатно). Школа была ориентирована на преподавание всего спектра гуманитарных наук, включая предметы эстетического цикла (литературу, живопись, историю музыки), но центральной дисциплиной стала все-таки социология.

Недолго, всего пять учебных лет просуществует это уникальное учебное заведение: в конце 1905 г. под давлением правительства Николая II, угрожавшего создателям школы лишением гражданства и арестом имущества[9], а также в результате ряда провокаций со стороны наиболее радикального студенчества руководством школы будет принято решение о ее закрытии, и вскоре большая часть русских социологов-эмигрантов вернется в Россию, где уже разгорится первая русская революция[10]. Но за этот период в общей сложности более двух тысяч слушателей посетят лекции не только профессоров – своих соотечественников (М.М.Ковалевского, Н.И.Кареева, Е.В.Де Роберти, К.М.Тахтарева и др.), но и ведущих представителей французской социологии (среди постоянных преподавателей Русской школы будут Г.Тард, Э.Дюркгейм, Р.Вормс).

Неудивительно поэтому, что для русских социологов как понимание предмета социологического знания в целом, так и его отдельных составляющих оттачивалось в постоянной научной полемике. Она сводилась к следующим трем основным, внутренне связанным между собой, направлениям. Во-первых, к переосмыслению исходных принципов позитивизма французской социологии в понимании социальной эволюции (для русской общественно-научной традиции – социального прогресса); во-вторых, к специфическому пониманию личности; в-третьих, к расширенной (если брать за «точку отсчета» методологию позитивизма) трактовке методов познания в социальных науках.

В том, что касается первого направления полемики, то в наиболее лаконичной форме основной «вектор несогласия» с основоположником французской социологии – Огюстом Контом – был сформулирован Е.В.Де Роберти. По его мнению, «социология О.Конта, позволяя восстановить главнейшие... формы прошлого... производит впечатление систематического небрежения эволюцией личной нравственности» [Роберти, 2008, с. 196]. Законы социальной динамики О.Конта, утверждающие принцип последовательной рационализации социальной жизни, фиксирующие постепенный переход человечества от религиозных верований к научному пониманию мира, удовлетворяют русских мыслителей лишь отчасти – прежде всего потому, что в них никак не отражена человеческая, личностная составляющая социальной эволюции.

Для отечественной же социологии поиск объективных закономерностей развития различных форм социальности традиционно не мог быть помыслен в отрыве от поисков субъективного смысла и значения их для человека. Так, отмечая заслугу Конта в установлении единства законов мировой истории, в утверждении общих закономерностей социального развития, Н.И.Кареев тут же, практически одновременно, подчеркивает, что идею прогресса принципиально нельзя «математически вычислить и обосновать», ибо смысл прогресса состоит, прежде всего, в «освобождении личности», в усилении человеческой индивидуальности (а потому, как следствие – в непредсказуемости с рациональной точки зрения): «чем выше стоит общество в культурном и социальном отношениях, тем более оно помогает проявлению в индивидуальной жизни и деятельности того, что вырабатывает в человеке личность» [Кареев, 2010, с. 347]. И, заметим, это не переход к рациональным принципам мышления по Конту, а к свободе – в самом широком ее понимании: как расширению личной автономии человека, усилению его правового статуса, возможности сознательного и неподневольного объединения людей в те или иные сообщества.

Понятое через эту доминанту индивидуальной свободы социальное развитие приведет М.М.Ковалевского к своеобразной трактовке механизмов социальной динамики – в качестве основного такого механизма для него выступит «расширение замиренной сферы» [Ковалевский, 1997]. Понятие «замирения» очевидно перекликается с активно разрабатываемой в это же время Э.Дюркгеймом категорией солидарности, и в ряде случаев – у современников М.М.Ковалевского – мы можем встретить последний термин. Однако, прекрасно зная язык и будучи лично знакомым с Дюркгеймом, Ковалевский, отстаивая свою позицию, все-таки употребляет именно это, не самое благозвучное, слово – «замирение».

Для отечественного мыслителя, видевшего заслугу французского коллеги в обращении внимания на сами механизмы социального развития, содержание категории «солидарность» должно быть расширено за счет акцента на осознанном сотрудничестве людей, на свободном социальном самоопределении каждого человека, а не только включать в себя понимание объединения на основе объективных причин типа разделения труда. Именно в так понимаемой солидарности увидит сущность социальной жизни и Н.А.Бердяев: «соединение человека с человеком – вот сущность социальной жизни. Развитие человека есть одновременно цель и результат социальной жизни» [Бердяев, 1999, с. 242]. И в этом смысле солидарность будет трактоваться русскими мыслителями как один из критериев социального прогресса.

Вторая линия антипозитивистского «противостояния» русской социологии того времени французскому социологическому позитивизму определялась своеобразием исследовательского интереса к проблеме социальной обусловленности личности. Для западноевропейских коллег эта проблематика традиционно, начиная с Г.Тарда и продолжая работами С.Сигеле и Г.Лебона, была центрирована не столько на проблеме личности, сколько на проблеме деперсонализации: иными словами, изучении закономерностей «потери человека в человеке», процессов актуализации его безличностного начала в тех или иных условиях, прежде всего – в толпе, в массе. Для отечественных же мыслителей, напротив, приоритет приобретает, скорее, вопрос сопротивления, противостояния человека нивелирующему социальному влиянию.

Интерес к этому вопросу взаимосвязан с известной психологизацией всей русской общественной мысли, выразившейся во внимании исследователей к проблемам внутреннего мира человека. Так, с точки зрения Н.И.Кареева, в центре внимания социологии должен стоять не просто человек, а человек «как в его социальном, так и в психологическом измерении» [Кареев, 2010, с. 24]. Взятый в таком понимании, он характеризуется, прежде всего, особенностями своей иррациональной, чувственной сферы, которая нередко трактуется как определяющая для сферы социальной, а потому, например, «недопустимо выводить весь общественный и нравственный строй человечества из пессимистических принципов борьбы и ненависти, вместо того чтобы выводить его из оптимистических начал сотрудничества и любви» [Роберти, 2008, с. 244].

Если же понимание иррациональных начал человеческой природы включало в себя мотивационно-потребностную сферу, то, все равно, социальное поведение человека также мыслилось как производное от нее: «основой всякого социального общежития является психологический мотив – готовность подчинения» [Ковалевский, 1997, с. 20]. Это «психологическое измерение» человека не может быть позитивистски исследовано, оно неминуемо «ускользает» от традиционного научного познания, ведь «в каждой личности есть такой индивидуальный остаток, который не разложим на социальную среду и не поддается научному анализу. Это индивидуальное дорого каждому человеку как его собственное переживание, и воспроизведено оно может быть только в искусстве» [Бердяев, 1999, с. 201]. Единственную альтернативу искусству в этом смысле может составить лишь «общественная психология», которая и должна лечь в основу социальных наук [Ковалевский, 1997].

Но подобная уникальность переживаний, неповторимость внутреннего мира человека не есть, с точки зрения русских исследователей, препятствие для установления социальных взаимосвязей, для «замирения». Напротив – именно с позиций осознанного принятия Других, обладающих столь же

неповторимым миром собственных переживаний, трактуется ими факт социального взаимодействия, и в этом также состоит определенная оппозиция французской социологической школе.

Так, для Э.Дюркгейма социальные факты (в виде коллективных представлений) обладают абсолютной принудительной силой по отношению к индивидуальному сознанию и потому остаются всегда выше человеческого понимания [Дюркгейм, 1995]. А с точки зрения, например, К.М.Тахтарева, личность со всем ее уникальным строем создается в общении и взаимодействии с другими, и даже «герой», возвышающийся над «толпой», мыслится как производная от этих актов социального взаимодействия: «величие каждой выдающейся личности создается столько же ею самой, сколько и теми людьми, которые в ней нуждаются и ей сочувствуют» [Тахтарев, 2006, с. 277], а потому «выделить личность из общества можно лишь произвольно, как ... вырубить какое-нибудь дерево из целого леса», ибо «личность и общество суть действительно лишь две стороны одной и той же общественной жизни людей, и тот, кто не понимает этого, тот никогда не поймет должным образом ни личности, ни общественной жизни» [Там же. С. 278–280].

Характерно при этом, что данный акцент на человеческой коммуникации и взаимодействии [11] в трактовке природы «личности» был тесно связан с аксиологически окрашенным пониманием самой коммуникации, а именно – с оценкой ее, прежде всего, с точки зрения справедливости, что заставляло в идеальном плане представлять социальное взаимодействие как пространство личностного развития каждого его участника.

Подобные трактовки сущности социального прогресса и природы человека не могли не отражаться на переосмыслении русскими социологами самих принципов познания в общественных науках, и в этом состоит, как уже отмечалось выше, на наш взгляд, третья линия скрытой научной полемики французской и русской социологии в рассматриваемый исторический период. В противоположность доминанте позитивизма своих французских коллег для русских исследователей было характерно следующее. Во-первых, это утверждение идеи полидетерминизма общественных явлений – «все стороны общественной жизни тесно связаны между собой и воздействуют друг на друга» [Ковалевский, 1997], а потому «так же как психология не может быть сведена к отдельной функции, так и социология не может обойтись одним причинно-следственным утверждением» [Кареев, 1996].

Из этой позиции вытекало, в частности, своеобразное отношение русских социологов к возможностям использования методов точных наук в гуманитарном знании: при всем бурном развитии в то время прикладных социологических исследований, неотделимых от использования статистических методов анализа, они сохраняют изрядную долю скептицизма по отношению к последним. По словам М.М.Ковалевского, «статистический прием может укрепить уверенность или, наоборот, породить сомнение в правильности выводов, *независимо* от него установленных» [Там же. С. 23]. И это понятно – там, где нет места одномерности, однофакторности какого бы то ни было развития (личности или общества), принцип жесткой детерминации не может быть применен, а потому и «роковой ошибкой было бы всякое злоупотребление логикой, всякое допущение, что из одного факта наличности тех или других условий ... необходимо вытекают и все остальные» [Там же. С. 324].

В качестве центральных методов для отечественных исследователей выступают исторический и сравнительный методы, нередко (как, например, в «генетической социологии» К.М.Тахтарева) взятые в неразрывном единстве. Собственно, именно с позиций этих методов и происходит критика русскими социологами, например, концепции Г.Тарда. Так, признавая справедливость понимания французским мыслителем в качестве источника социального развития взаимодействие открытий и подражаний, М.М.Ковалевский далее критикует его за допущение безграничности действия законов подражания. С его точки зрения, они имеют очевидные ограничения в виде «элементов самостоятельного творчества» как отдельных людей, так и социальных групп, а потому при всем единстве истории человечества, общности законов его культурного развития всегда остается

необходимость сравнительно-исторического анализа отдельных его элементов. Предельным же выражением этих, уже антипозитивистских по своей сути, позиций станет значительно обогнавшее свое время введение Н.И.Кареевым понятия «феноменологические науки» (к которым им будет отнесена и социология) в антитезе номологическим [Кареев, 1996].

Заключение

Итак, подведем некоторые итоги. Что же было специфичным в трактовке проблемы личности и общества для русского социологического знания первых двух десятилетий двадцатого века? В чем состояли основные принципы анализа данной проблемы для отечественных исследователей того времени?

Прежде всего, это признание – вслед за всеми общественными науками – проблемы личности как центральной проблемы социологии, выдвижение ее в качестве основного предмета анализа.

Далее, это своеобразный ракурс решения данной проблемы, а именно утверждение принципиальной взаимосвязи личностного и социального развития, рассмотрение его через призму возможных ответов на вопрос о сущности социального прогресса.

В-третьих, придание при решении данной проблемы самостоятельного научного статуса категории взаимодействия, понимаемого и как общее основание человеческой солидарности, и как реальная практика становления и развития личности.

В-четвертых, это очевидная «психологизация» данной проблематики, выражающаяся как в утверждении примата ценностного выбора человека в становлении его «личности», так и во внимании к эмоциональной сфере, переживаниям, сопровождающим его жизнедеятельность.

И, наконец, в-пятых, подобные трактовки закономерно приводили к определенным методологическим «рамкам» анализа проблемы личности и общества, а именно: представлениям об ограниченности причинно-следственных интерпретаций в случае, если речь идет о социальной природе человека; необходимости многофакторного анализа в изучении процессов личностного и социального самоопределения; утверждении холистического подхода к пониманию личности.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции (CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique), проект 09-06-95321a/фр «Взаимосвязь и взаимовлияние российской и французской гуманитарной науки в первой половине XX века».

Литература

Андреева Г.М. Итоги столетия (к вопросу о прогрессе в социальной психологии) // Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. С. 7–36.

Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.М.Михайловском. М.: Канон+, 1999.

Голосенко И.А., Козловский В.В. История российской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.

Гутнов Д. Русская высшая школа общественных наук в Париже 1901–1906. М.: РОССПЭН, 2004.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б.Гофмана. М.: Канон, 1995.

Здравомыслов А.Г. Национальные социологические школы в современном мире // *Общественные науки и современность*. 2007. N 5. С. 114–130.

Кареев Н.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.

Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.

Ковалевский М.М. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Социология. СПб.: Алетейя, 1997.

Ковалевский М.М. Психологические школы в социологии // Сочинения: в 2 т. СПб.: Алетейя, 1997. Т. 2. С. 7–93.

Роберти Е., де. Новая постановка основных вопросов социологии: избр. тр. СПб.: Алетейя, 2008.

Тахтарев К.М. Свобода и власть // *Социологические труды* / под ред. А.О.Бороноева. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2006. С. 822–832.

[1] Например, Е.В. Де Роберти.

[2] Такая судьба, в частности, постигла курс по истории конституций западноевропейских стран, читавшийся М.М.Ковалевским в течение ряда лет в Московском университете и пользовавшийся неизменной популярностью у студентов.

[3] Именно с такой формулировкой в 1887 году был уволен из Московского университета тот же М.М.Ковалевский.

[4] Так, например, только за период с 1899 по 1902 год прошло три всероссийских студенческих забастовки, охвативших более 30 вузов и собравших каждая от 25 до 40 тысяч участников, что в публицистике того времени оставило след как «университетский вопрос»; характерно основное требование этих выступлений – физическая неприкосновенность личности [Приводится по: Гутнов, 2004].

[5] Лидирующую при этом триаду составили политэкономия, философия и социология.

[6] Следует, однако, помнить, что для русской общественной мысли того периода (впрочем, как и для более ранних этапов ее развития) трудно провести четкие методологические и/или дисциплинарные границы, и причина тому не только в сложностях их становления, но и в изначальной приверженности принципам междисциплинарного анализа. То же касается и социологии – несмотря на активно идущий процесс ее институционализации, в России на тот момент фактически не существовало научных социологических школ в строгом значении этого слова. (см. об этом подробнее: [Голосенко, Козловский, 1995]).

[7] Следует заметить, что на первые годы 20 века только в Париже русская диаспора насчитывала около 30 тысяч человек, большую часть которых составляла молодежь.

[8] Сегодня 14 ноября празднуется в России как День социолога.

[9] Материальную базу Русской школы в незначительной степени составляли частные пожертвования и – в большей степени – личные средства постоянных преподавателей, в первую очередь М.М.Ковалевского.

[10] Заметим, что организационно-методическое наследие Русской высшей школы общественных наук не раз востребовалось в ходе дальнейшей институционализации социологического знания в России. Так, вернувшись из эмиграции в конце 1905 года, М.М.Ковалевский и П.Ф.Лесгафт создают в Петербурге Высшую вольную школу, в которой впервые в России будет введено преподавание социологии как обязательного предмета (до ее закрытия решением правительства в 1907 г.). В 1910–1911 гг. работа социологического семинара под руководством Е.В.Де Роберти при Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге во многом будет опираться на учебные программы Школы. Первая русская кафедра социологии, созданная здесь же в 1911 г., будет практически полностью состоять из бывших преподавателей Русской школы (М.М.Ковалевский, Е.В.Де Роберти, Н.И.Кареев, П.А.Сорокин, К.М.Тахтарев). Они же, после смерти М.М.Ковалевского в 1916 г., выступят инициаторами создания «Русского социологического общества имени М.М.Ковалевского». Под руководством самых молодых из них – П.А.Сорокина и К.М.Тахтарева – уже в более позднее время (1918–1920 гг.) будет создан первый исследовательский Социологический институт и первый социологический факультет в Петрограде. Правда, этот период активного строительства отечественной социологии окажется крайне недолгим – уже в 1922 г. указами Совнаркома в стране будут ликвидированы все исследовательские социологические институты и запрещена социология как предмет преподавания в любых учебных заведениях.

[11] В более поздний период П.А.Сорокин придет к пониманию социального взаимодействия как элементарной структурной составляющей предмета социологического анализа в целом.

Поступила в редакцию 2 октября 2010 г. Дата публикации: 23 декабря 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Белинская Елена Павловна. Профессор, доктор психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: Elena_belinskaya@list.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Белинская Е.П. Проблема личности и общества в русской социологии начала 20-го века: социокультурный и интеллектуальный контекст [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 6(14). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421000116/0063.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТИЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)